

ЖЮЛИ КОШКА

Путь к тебе

Жюли Кошка Путь к тебе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28068089

ISBN 9785449008442

Аннотация

Неожиданно влюбиться, да еще в своего школьного учителя танцев, когда ты подросток и у тебя море проблем, которые не под силу решить даже взрослому... Что может принести такая влюбленность? Надежду, разочарование, боль или?..

Путь к тебе

Жюли Кошка

© Жюли Кошка, 2017

ISBN 978-5-4490-0844-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время половина третьего, уроки, наконец-то, закончились, в столовую сходила. Теперь нужно к зеркалу в холле подойти, волосы в пучок затянуть. И на урок танцев! Ну, вот, девчонок, как всегда, полно, к зеркалу не пробиться!

– Что, пошла свою снежную лавину сгрести?!

Какой этот Марк, все-таки, дурак! Ну, чего он к моим волосам прицепился? Я же не виновата, что они у меня почти белые. Не буду больше с распущенными ходить! Завтра же в косу заплету или хвост сделаю... А папа говорил, что у меня красивые волосы, как у Снежной Королевы... Вот если бы я была Снежной Королевой, я бы этого Марка заморозила. Хотя, нет, пусть живет. Я бы ему только нос в сосульку превратила, и чтоб не таял никогда, даже в жару. И звали бы его тогда Марк-сосулька.

Наконец-то, толпа девчонок разошлась. Какая я бледная сегодня. Свет, что ли, так падает? Сейчас волосы в пучок

соберу и стану совсем дурнушкой. Когда коса или хвост – еще терпимо, а так, с тугим пучком – просто кошмар! Такой я мистеру Тайрону, нашему учителю танцев, никогда точно не понравлюсь. Хотя мой пучок тут совсем и не причем, если уж честно говорить. Вон к нему какие девчонки заниматься ходят: красивые, высокие, стройные, старшеклассницы... А я худая уродина, и мне всего одиннадцать, и до двенадцати еще ехать не доехать. Ладно, зато у меня глаза папины, зеленые, как изумруды, и такие же большие... И на них слезы... Надо от зеркала скорее отойти, пока не увидел никто. А то здесь быстро прозвища приклеивают. Будешь какой-нибудь «плаксой» или «нюней». Скорее рукавом сотру... Надо же, стираю, а они все равно ползут... Это я не из-за мистера Тайрона, вовсе нет. Это из-за папы. Он умер три с половиной года назад. Его хулиганы на улице избили. Они к женщине с ребенком приставали, а он заступился. Его по голове ударили. Врачи спасти не смогли... И он умер... Я, когда о нем думаю, почти всегда плакать начинаю. Я его очень любила, и сейчас люблю. Если бы он был с нами, все было бы по-другому. Все-все...

Сегодня среда. По средам у нас танцы в три часа дня. Я как раз успеваю перекусить после уроков. Правда, беру немного: чай с чем-нибудь недорогим. Мне деньги приходится откладывать, чтобы каждый месяц за танцы платить. Я уже с начала года занимаюсь. Мама думает, что занятия бесплатные, иначе она бы меня не пустила. А я очень хо-

чу танцевать! Это моя мечта! В школе, где я до этого училась, танцев не было. А в этой есть, хотя и район здесь победнее, и сама школа – так себе. А мистер Тайрон классный! Он мне очень нравится. Он второй год танцы здесь преподает. Ему на вид где-то лет двадцать пять или чуть больше. Девчонки говорят, что он не женат, по крайней мере, кольца не носит. Он весь такой подтянутый, высокий, стройный, глаза темно-карие, почти черные, и волосы темные и уложены так небрежно, а выглядят, как у модели с обложки журнала. У нас все девочки, кто на танцы ходит, в него влюблены. Мне кажется, что многие его уроки посещают не из-за танцев, а только из-за него. Меня он всегда хвалит, но уверена, не потому, что я ему нравлюсь, а потому, что у меня неплохо получается в отличие от большинства. «Вот, посмотрите, как Кира делает! Берите ее за образец! Человек всего несколько месяцев занимается, а выполняет лучше тех, которые уже второй год ходят». Прямо крылья вырастать начинают от таких слов. Хоть этим я могу его внимание к себе привлечь. А другие завидуют. Вот и пусть!

У нас группа с одиннадцати до четырнадцати лет. Младшие и старшие занимаются отдельно. У нас же танцы два раза в неделю, в среду в 15.00 и в субботу в 13.00. Единственно, неудобно в среду домой возвращаться. К половине пятого уже темно бывает. Я езжу от школы три остановки на автобусе, а потом минут десять пешком от остановки до дома иду. А район захолустный, старый, дома неприглядные, и на ули-

цах почти везде фонари разбиты. Мы раньше в другом месте жили, но полгода назад нам пришлось дом продать, чтобы со всеми долгами рассчитаться. И теперь мы здесь живем. И у нас не свой отдельный дом, как раньше, а маленькая двухкомнатная квартирка в старом, обветшалом здании. Мама пока не работает, и мы кое-как перебиваемся на ее пособие по безработице. Ну, вот, я переделалась. Можно идти в зал на занятия. И мистер Тайрон уже зовет! Какой же он все-таки красивый...

* * *

– Девочки! Занятие начинается! Все готовы? Никто в раздевалке не затерялся? О, у нас сегодня даже мальчики в полном составе, все пятеро! Молодцы! Сегодня пар получится больше, чем в прошлый раз. А то два мальчика на пятнадцать девочек не очень густо.

Интересно, кто-нибудь до конца года из мальчишек дотянет или раньше смоются?

– Все, построились! Разогреваемся! Начинаем с простых элементов. Раз, два, три!

Маргарет, как всегда, подтянута, словно струна, которая, того гляди, лопнет. Такое рвение – даже страшно. Лили глазки опять строит. Она бы танцевала также хорошо, как глазами стреляет. Сэнди...

– Сэнди, ты, кажется, в прошлый раз заявила, что заниматься тебе этой ерундой надоело, и что ноги твоей больше тут не будет. В чем дело?

– Меня мама отправила...

– Ну, что ж, вряд ли, мамина любовь к танцам перейдет к тебе. Сочувствую. Что намерена делать: терпеть, носом шмыгать и изводить себя и меня, или мне самому с мамой поговорить?

– Потерплю, наверное...

– Что ж, удачи!

Молли – тоже время тратит впустую, но, по крайней мере, с желанием. Кира... поправиться бы ей немного – цены бы не было. Ест она, что ли, плохо?

– Так, разбиваемся по парам!

* * *

Опять мистер Тайрон эту дылду Анжелину в пару взял. С ней, конечно, удобно, она ему по росту подходит, но танцевать-то она не умеет. А меня за все время всего два раза в пару брал, и то для того, чтобы всего одно движение показать. Ну и что теперь, что я его ниже намного. Все равно так нечестно.

– Марк, с Кирой в пару встань.

– Я со Снежной Лавиной танцевать не буду.

Ну, вот, все хихикают. Мистер Тайрон в легком недоумении. Сейчас попробует выяснить, что за прозвище... Нет, вроде бы пронесло. Придурок дурацкое прозвище выдумал, а другим смешно. Теперь, наверное, и хвост и косу бесполезно уже будет делать. Так Снежной Лавиной и будут называть.

– Мы с Лили в прошлый раз в паре были, – говорит Марк.

Ох, Марк, какой прокол! Нужен ты ей, как собаке пятая нога. Вон фыркает стоит.

– Марк, в пару ставлю я, а на свидания ходи с кем хочешь, ну, и кто согласится, конечно!

Так тебе и надо. Пусть и над тобой посмеются. А танцевать я с тобой тоже не хочу... но придется...

– Начали, под музыку! Ритм слушаем! Ритм! Раз, два, три! Раз, два, три!.. Кира, ты спишь сегодня?

Да ничего я не сплю! Мне Марк на ноги наступает! Дурак! Он это нарочно! Вот сейчас бы я его точно заморозила, чтоб до самой весны ледышкой стоял! Ой, кажется, краснеть начала. Сейчас этот придурок еще подумает, что из-за него...

– Все, занятие окончено! Молли, молодец! Сегодня уже лучше! Лили, больше внимания к ритму, опаздываешь. Мальчики, молодцы! Марк, с дисциплиной проблемы! Кира, задержись на минутку, как переоденешься!

Ну, все, сейчас отчитает! А я тут ни при чем, это все Марк. Потяну время, пусть все переоденутся и уйдут, чтоб мистер Тайрон не при свидетелях меня ругал... Все, Молли последняя. Нужно выходить. Что же это, я опять краснею!?..

– Снежная Лавина, значит?

Можно, я на него смотреть не буду, просто кивну. И зачем он это прозвище запомнил?

– Марк придумал?

Опять кивну.

– Это из-за твоих волос?

Еще раз кивну. Я сейчас, должно быть, похожа на кивающего китайского болванчика. Как же это глупо, наверное, со стороны выглядит. Ну, почему я посмотреть на него никак не могу?!

– И ты теперь решила не носить распущенные волосы, а делать косу или хвост?

Откуда он знает?! Зачем я на него посмотрела, теперь еще больше краснею. И, вообще, я уже передумала. Ситуацию все равно не спасешь – буду ходить с распущенными, как ходила.

– Тебе распущенные, кстати, очень идут.

Постойте, он что видел меня с распущенными волосами?! Нет, видеть он мог, конечно. Но чтобы заметить?! И прозвище поэтому понял... И он сказал, что мне очень идет!

– Ладно, я не за этим тебя остаться попросил. Ты, наверное, в курсе, у нас в школе концерт на Рождество готовят. Так вот, миссис Смит, наша директриса, попросила меня какой-нибудь номер сделать. Можно было бы с группой, но времени слишком мало. Я решил тебе предложить выступить. согласишься?

– Мне?..

Мне выступить?.. В смысле одной? Какие у него глаза красивые... Зачем он мне это предлагает?

– Только нужно будет после занятий на час-полтора оставаться. Всего две с половиной недели до праздника. Так что придется поработать. Выручишь?

– Я не смогу!

Зачем я это сказала? Нет, я, правда, не смогу! Это же ужас – я одна на сцене... И с ним с одним оставаться заниматься... Я умру сразу.

– Я же всего три месяца занимаюсь... Девочки многие второй год ходят...

– Да, ходят, но, несмотря на это, ни у одной из них не получится так, как у тебя. Но есть одно «но»: ты непременно сможешь, если сама в себе сомневаться перестанешь. А с такой заниженной самооценкой, как у тебя, далеко ты, точно, не пойдешь. Нужно верить в себя и себе доверять! Ну, что, согласна или нет?

Отвечай же, отвечай!

– Да...

– Совсем другое дело! Я знал, что могу на тебя рассчитывать. С субботы начнем репетировать. Сможешь после занятий задержаться?

– Да... конечно... А что за танец будет?

– Есть у меня кое-какие идеи. В субботу скажу, ладно? Неужели я согласилась?.. Какой ужас!..

– Поздно уже и холодно сегодня. Ты ведь, кажется, недалеко от старого парка живешь?

Откуда он знает?

– Я иногда с утра вижу, как ты на автобус садишься. Если не против – давай, подвезу.

Подвезет?.. В смысле подвезет...

– Хорошо...

Зачем я согласилась? Ну, зачем?!..

* * *

На улице действительно холодно, да, кроме того, дождь со снегом. Открываю перед Кирой дверь машины и предлагаю сесть на переднее сидение. А она топчется и никак не решается.

Странная девочка... смущается постоянно, мало разговаривает, кажется, даже со своими сверстниками почти не общается. Зато в танце раскрывается. Удивительно! Как будто, только танцуя, и живет. Ходит-то всего лишь три месяца ко мне, а уже так замечательно все получается, хотя, говорит, нигде не занималась до этого.

– Не стесняйся, садись. Мне все равно по пути, так что я тебя без проблем подброшу. И тебе на улице не мерзнуть. А то вон, погода отвратительная какая!

Наконец-то забирается в машину неловко и неуверенно. Все-таки ей полезно будет на сцене выступить. Может, немножко уверенней себя почувствует... если, конечно, не растеряется и все выступление не завалит. Ну да ладно! Будем надеяться на лучшее. Ну все, поехали.

– Кира, ты из-чего в другую школу перевелась? Переезд?

– Да...

– А на танцы почему пошла? Родители записали, или сама решила?

– Сама решила...

Отвечает, как эхо, и головы даже не поднимает. Откуда такая зажатость? В предыдущей школе затюкали или, может, дома?

– Ты как-то сказала, что не занималась до этого нигде. А когда поняла, что танцевать хочешь?

Ну, вот в мою сторону взглянула, вопрос за живое задел.

– Я... всегда танцевать любила. Мне папа рассказывал, что, когда я маленькой была, даже в кроватке под музыку танцевала. И мы с папой часто на танцевальные выступления ходили. Мне очень нравилось... и ему тоже...

Она что, слезы вытирает?..

– А твой папа, он...

– Он умер... три с половиной года назад...

– Извини... я не знал... Ты с мамой сейчас живешь?

– Да.

– А братья, сестры есть?

– Нет... Мы только с мамой... вдвоем...

Так, телефон звонит. Наверное, Аманда. Аманда – это моя девушка. Нас мои родители познакомили. Я сначала очень скептически к факту нашего знакомства отнесся, но потом как-то мы с ней неплохо поладили, и вот уже несколько месяцев встречаемся.

– Да, дорогая. Я тебе перезвоню, ладно? Конечно, подъеду.

– Вы меня здесь высадите, пожалуйста. Я недалеко отсюда живу.

– Хорошо... Точно сама дойдешь?

– Да. Конечно. До свидания и... спасибо.

– До субботы!

Надо было, наверное, ее до дома довести. Хотя она сама попросила ее высадить. Ладно, с автобуса же она домой добирается. Тут как раз остановка. Да и мести вроде бы поменьше стало...

* * *

– Занятие окончено! Сегодня все молодцы! Всегда бы так занимались – цены бы не было! Кира, ты помнишь, что у нас еще репетиция? Сможешь остаться?

Опять не отвечает, только кивает. Что за ребенок такой!? Может, зря я это все затеял? Завалит она мне весь номер со своей патологической неуверенностью. Ну, ладно, попытаюсь...

– Кира, я подумал, мы разучивали движения самбы, и у тебя хорошо получается. Попробуем поставить сольный танец. Я бы мальчика тебе в пару дал, но их всего пять, три из которых с этого года занимаются, а два оставшихся тоже вряд ли танец потянут. Боюсь, ты с отдавленными ногами будешь ходить. Я музыку подобрал. Вот, послушай, и давай движения проработаем.

Увлелась и про все забыла. Вот чем она мне нравится! Ни у кого из ребят такой тяги к танцам нет. Она ими горит. Все-таки должен номер получиться!

– Молодец!

До чего же худенькая... Дома ее, что ли, не кормят? Кожа да кости.

– Кира, тут руку выше. Вот так! Что это у тебя на плече? Синяк?

Рукав натянула, испугалась и съежилась вся.

– Тебя ударил кто-то?

Молчит, взгляд потупила – значит, точно ударили.

– Кто-нибудь в школе? Одноклассники?

– Нет. Я... сама ударилась... о дверь...

Беру ее за подбородок, потому что в глаза не смотрит. Бросает на меня быстрый испуганный взгляд, и снова опускает глаза.

– Кира, ведь это неправда. Кто тебя ударил?

Дергает головой, освобождая подбородок из моих рук.

– Я сама...

Губы дрожат. Лучше не буду докапываться до истины, а то того и гляди разревется, а нам репетировать нужно. Можно как-нибудь потом попытаться выяснить. Сейчас все равно не скажет...

– Ладно, давай репетицию продолжим.

* * *

Мы с мистером Тайраном за кулисами. Через одно выступление мой выход. Мне кажется, я с ума сойду! Неужели *мне сейчас* на сцену выходить придется. Лучше бы опять была репетиция, и никто кроме мистера Тайрона меня не видел. Я точно опозорюсь: выйду, и ноги слушаться перестанут, пу-

тать движения начну или, вообще, упаду. Мистер Тайрон даст мне кое-какие технические советы, уточняет несколько движений, а мне ничего в голову не лезет от волнения, да и ноги уже начали заплетаться.

– Кира, с тобой все в порядке?

Ой, я ему в руку вцепилась и не заметила. Второпях разжимаю пальцы. Боже мой, у него на коже даже следы от ногтей остались!

– Извините... я нечаянно...

– Ерунда. Кира, посмотри на меня... Кира, девочка моя...

Это он мне?..

– Ну вот, наконец-то, я твои глаза вижу. Не отводи...

Не отвожу... Зачем он меня так назвал?..

– Кира, послушай, ты все сможешь. У тебя все прекрасно получается, и непременно получится сейчас. По-другому просто быть не может. Ты лучше всех. Ты очень красивая.

Красивая?.. Это я красивая? Он что, чтобы меня поддержать, это говорит? Или о платье? Он мне такое платье для выступления достал роскошное – шелковое, с воланами, ярко красное. Наверное, правда, красиво... Я провожу рукой по пышным воланам платья.

– Посмотри на меня...

Он меня за подбородок взял... Он так уже второй раз делает... Смотрю ему прямо в глаза. Я уже и не знаю, от чего меня больше трясет: от того, что выступать сейчас, или от того, что он ко мне прикасается.

– Ты сейчас восхитительно выступишь. Поняла?

Он по моим волосам рукой провел!..

– Кира, поняла?..

– Да... Мистер Тайрон... вы только не уходите никуда...

пока я на сцене буду...

– Конечно, не уйду. Я буду твоё выступление из зала смотреть... Ну, давай, иди. Следующий выход твой.

Я бегу к выходу на сцену, оборачиваюсь, он кивает мне и улыбается. Мне улыбается... Может быть, я ему хотя бы капельку нравлюсь?.. Только бы не подвести его... только бы не подвести...

* * *

Так, на сцену вышла. Уже хорошо... Растерялась... Что она делает?.. Ох, идиот, она же меня ищет, а ей свет прямо в глаза.

– Кира!

Машу ей рукой. Все. Увидела, и, кажется, немного успокоилась. Ну, давай, девочка, не подведи! Музыка. Вступай! Молодец, все четко. Не ошибись здесь! Молодец! Хорошо! Не зря я на нее поставил, не зря! Думаю, директриса будет довольна. Аплодируют, даже «браво» кричат. Надо бы к ней подойти. Так, а сейчас что за номер? Уличные танцоры. Ладно, к Кире чуть позже подойду. Посмотрим выступление – это интересно!

Досмотрел концерт. Ох, время-то уже сколько! Надо отыскать Киру, если она, конечно, домой не ушла. Пожалуй, сле-

довало сразу к ней подойти. Ну да ладно, как уж получилось. Возможно, она еще в танцевальном зале.

– Мистер Тайрон!

Миссис Смит, директриса, строгого вида женщина, направляется прямо ко мне.

– Мистер Тайрон, я хотела сказать, что вы замечательно девочку подготовили. Не напомните мне ее имя?

– Кира... Кира... – Как же ее фамилия? – Аллен.

– Мне очень понравилось ее выступление. Я хотела предложить вам выпустить ее на танцевальный конкурс, который проводится между школами. Что скажете?

– Думаю, это отличная идея. Уверен, она сможет себя показать с лучшей стороны!

– Рада, что вы так позитивно отреагировали, но, все-таки, у девочки не забудьте спросить ее мнение. И завтра сообщите мне окончательное решение.

– Хорошо.

Конкурс – это здорово!.. А вдруг возьмет и не согласится, заартачится... От нее этого вполне можно ожидать... Еще не ушла, переделалась только.

– Я думал, ты уже домой отправилась.

– Я хотела вас дождаться...

– А я тут немного задержался, с директрисой разговаривал. Ей понравилось, как ты выступила.

Смотрит, глаз не сводит, обрадовалась бы, что ли. Директриса, ведь все-таки похвалила...

– А вам?..

– Что мне?.. О, да, конечно, ты молодец! Все очень хорошо!

Ну вот, глаза засветились. А то уж я подумал, что ей все равно... Или ей именно мое мнение нужно было?.. Наверное...

– Правда?..

– Конечно, правда! Я же говорил, что у тебя все получится. Знаешь, миссис Смит тут предложила в танцевальном конкурсе между школами поучаствовать. Ты как, не против?

Опять молчит, глаза опустила.

– С группой?..

– Нет, только тебе.

– С этим номером?

– Думаю, надо будет что-нибудь еще подготовить. Но это опять дополнительные репетиции. Что скажешь?

Так волнуется, руки сжала, даже костяшки пальцев побелели.

– Хорошо...

Уф, согласилась, а то я думал, уламливать придется. Прямо гора с плеч. Завтра директорисе сообщу.

* * *

Боже мой, зачем же я согласилась на этот дурацкий конкурс?! Да, я хочу заниматься с мистером Тайроном... вдвоем... Номер новый, репетиций много... Но я же не смогу!

Там жюри будет, другие конкурсанты. Это же не просто концерт на Рождество... Я сразу после занятия подойду к нему и скажу, что не буду участвовать. Не буду и все! Это не для меня!

На занятии я постоянно путаюсь и не могу сосредоточиться на танце. Мистер Тайрон бросает на меня удивленные взгляды. Мне так стыдно, но я ничего не могу с собой поделать.

– Кира, ты хорошо себя чувствуешь?

– Да...

Нет, же, нет!!! Какое там хорошо. Я сквозь землю готова провалиться! Я же согласие дала на участие в конкурсе, а теперь отказаться решила! Как я это ему скажу?!

– Можете идти переодеваться, занятие окончено. Кира, у тебя получится остаться сейчас? Начнем репетиции прямо сегодня. Дата конкурса назначена через два месяца, но лучше пораньше номер подготовить, чтобы время в запасе осталось.

– Мистер Тайрон, я...

– Ты сегодня не можешь?

– Я хотела совсем отказаться...

Ну вот, все-таки сказала. Боюсь поднять глаза. Он, наверняка, разозлился на меня. Молчит. Придется посмотреть ему в лицо. Ох, как же это непросто. Он что, не сердится? Со всем? Он озадачен...

– Кира, ты боишься?

Киваю и склоняю голову вниз, опустив глаза. Мистер Тайрон подхватывает меня за подбородок.

– Не прячься от меня, ладно?..

Снова поднимаю глаза. Он не убирает руки, а у меня начинает стучать сердце, чувствую, как предательски заливаются краской щеки.

– Кира, все чего-то бояться. И я тоже боюсь. Я второй год преподаю в вашей школе танцы. До этого, хотя мне уже двадцать восемь лет, никогда не преподавал. Когда мне предложили это место, я очень боялся идти сюда. Но все-таки решился, и теперь не жалею. Мне очень нравится. Нужно преодолевать свой страх, иначе ничего не добьешься, не достигнешь своей мечты. Прошу тебя, не отказывайся от участия в конкурсе. Мы подготовим замечательный номер, и ты отлично выступишь. У тебя все получится. У нас все получится.

У нас все получится... Он сказал «у нас»... У нас будет одно общее дело. Ни у кого больше, только у нас. Он хочет со мной работать!.. А конкурс еще так нескоро, через целых два месяца. Он убирает руку с моего подбородка, берет меня за плечо и немного сжимает его.

– Ну, Кира, не отказывайся, не теряй свой шанс.

– Хорошо... я согласна... – едва слышные слова сами слетают с губ, но мистер Тайрон ждет их и ловит прямо на лету.

– Какая же ты умница! Молодец!

Будь что будет, но я буду с ним целых два месяца...

* * *

Я сегодня в школьной столовой случайно услышала, что мистера Тайрона зовут Дэн. Его так наша преподавательница по искусству назвала. Мы его всегда «мистер Тайрон» называем, и я даже не знала, что он... Дэн... Какое красивое имя... Оно ему очень подходит. Дэн... Буду про себя его так называть... Сегодня у нас вторая репетиция. Он, Дэн... (как здорово!) ... подобрал музыку для танца, но что-то не клеится. Мне музыка не очень понравилась, и его она, кажется, тоже не вдохновляет. Я принесла кое-что из дома, мою любимую. Наверное, я даже предложить ему постесняюсь, но зачем-то все-таки взяла...

Перед началом репетиции, когда все ученики уже переоделись и вышли, я вдруг решаюсь:

– Мистер Тайрон, у меня запись музыки одной есть. Мне она очень нравится. Может, вы послушаете? – говорю еле слышно. Пусть не услышит, но я, вроде как, попыталась.

– Ты с собой запись принесла?

– Да. – Ну вот, зачем я ему сказала?! Он сейчас раскритикует все! Кто меня за язык-то тянул?!

– Что ж, давай послушаем. Почему бы и нет.

Я отдаю ему диск и говорю номер трека. Мы слушаем. Внимательно. Он почему-то тоже. Музыкальный трек завершается, а мистер Тайрон... Дэн, задумчиво смотрит на меня и неожиданно говорит:

– Кира, ты, наверняка, пробовала танцевать под эту мелодию?

Я едва заметно киваю головой. К чему он клонит?

– Давай еще раз включим, а ты станцуй так, как сама видишь этот танец.

Я немного теряюсь от этого предложения.

– Давай, не смущайся, у тебя прекрасно все получается. Я вижу, тебе эта музыка нравится, а это очень важно.

Он заново запускает трек. Мелодия затягивает в танец, и я забываю обо всем на свете. Это так волшебно – танцевать под мелодию, которая созвучна твоей душе... Последний аккорд и последнее движение. Я поднимаю глаза на... Дэна. Он задумчиво улыбается. Улыбается мне... А я снова неотвратимо краснею и отвожу взгляд. Дэн подходит ко мне. Я все так же стою, опустив глаза и по-прежнему горю костром.

– Твой танец завораживает. В нем есть душа. Красивая душа... Ты молодец, Кира. Давай оставим эту музыку. Она мне тоже очень понравилась. А твой танец возьмем за основу. Кое-что, конечно, надо будет доработать. Я думаю, ты сама понимаешь. Но композиция должна выйти отличной. Ты согласна?

Еще бы! Как же я могу быть не согласна?! Это то, о чем я даже и мечтать не могла! Во мне все ликует. Я чувствую, как от волнения дрожат руки, и сбивается дыхание. Но в ответ я только тихо говорю:

– Да...

* * *

Сегодня седьмая репетиция. Кира очень старается. Не пропустила еще не одной. Танец в черновом варианте уже готов. Осталось кое-что отшлифовать. Кира, все – таки, необычная девочка. Порой вслух даже ответить боится, но в то же время работать с ней одно удовольствие. Ко всем моим замечаниям внимательно прислушивается, все советы, как губка, впитывает, но и свои идеи подает (а у нее их немало) и музыку замечательную подобрала. И танцует так вдохновенно – сразу чувствуется, что это ее.

Единственно, что меня беспокоит, так это то, что она устает. Полтора часа занятий, а потом еще репетиция – мне кажется, ей тяжело. Она выкладывается по полной и под конец совсем выдыхается, хотя пытается виду не подавать. Поражительная стойкость – позавидовать можно. В прошлый раз я ей предложил только на репетиции приходить, но она отказалась, не хочет занятия пропускать.

– Кира, давай еще раз прогоним все выступление. А потом я на видео твой танец запишу. Нужно посмотреть, что доработать.

Включаю музыку, и Кира, как всегда, воодушевленно начинает танцевать. Делаю некоторые замечания, отрабатываем пару движений. Пожалуй, теперь можно сделать видеозапись танца.

– Кира, ты готова?

– Да.

Она улыбается. У нее необыкновенно красивая улыбка, хотя улыбается она не особо часто. И, что странно, никогда не смеется. Я раньше не замечал, а сейчас, когда стал с ней работать один на один, вдруг обнаружил это. Я даже смешить ее пытался, рассказывал что-нибудь забавное, а она все равно лишь улыбается... Что-то бледная она слишком. Опять устала, наверное... Снова включаю музыку. Кира начинает танцевать, я снимаю. Но через пол минуты танца она вдруг оступается, хватается за голову и начинает оседать. Я бросаю камеру, но вовремя подскочить не успеваю – Кира падает на пол. Глаза закрыты, она не реагирует – без сознания. Переносу ее на маты, лежащие в углу, укладываю поудобнее и бегу к аптечке, которая, к счастью, имеется при зале, за нашатырным спиртом. Она быстро приходит в себя и растерянно озирается. Я придерживаю ее рукой за плечи и помогаю сесть, но руки не убираю, она еще слишком слаба.

– Ты сознание потеряла. Танцевала и упала вдруг. С тобой такое уже случалось когда-нибудь?

Кира смотрит на меня, легкий румянец пробивается сквозь бледность ее щек. Она как-то невразумительно мотает головой и опускает глаза, румянец становится чуть ярче. Она такая стеснительная, часто краснеет, когда я с ней разговариваю. А сейчас ее, должно быть, смущает моя близость. Но отпустить я ее не могу – мне кажется, если уберу руку, она упадет.

– Я отнесу тебя в медкабинет. Надеюсь, врач там.

Я подхватываю ее на руки. Она совсем легкая, словно воздушная. Как у нее, вообще, сил заниматься хватает. Слабой рукой Кира обнимает меня за шею. Я несу ее по длинному коридору. Идут уроки, и коридор пуст. Кира иногда бросает на меня быстрые смущенные взгляды. Миссис Глэн, школьный врач, к счастью, оказывается на месте. Я объясняю, что произошло и, оставив Киру на ее попечение, выхожу в коридор. Минут через десять появляется миссис Глэн. Надо сказать, что это уже немолодая женщина, которая имеет за плечами длительную практику и несколько лет работает в школе. Она пользуется уважением персонала да, пожалуй, и учеников тоже. Миссис Глэн притворяет за собой дверь.

– Мистер Тайрон, я хотела бы с вами поговорить по поводу Киры.

– Надеюсь, у нее ничего серьезного нет?

– Ну, как сказать. Дело в том, что она уже теряла сознание в школе недели три назад. Я направила ее на обследование. По всем показателям у нее истощение. Она плохо питается. Я специально понаблюдала, что она берет на обед. Так вот – это чай с маленькой булочкой. Растущему организму этого недостаточно, да еще при том, что она усиленно занимается танцами. Я с ней сейчас разговаривала. Чувствуется, девочка упрямая. Танцы она бросать не хочет, но, хотя бы, нагрузку нужно снизить. Насколько я поняла, вы ее сейчас на конкурс готовите. Я не уверена, что в данный момент это может пойти ей на пользу. Вообще, было бы лучше от участия в нем

пока отказаться. Не последний конкурс в жизни. Поговорите с ней по этому поводу. Это, во-первых, а во-вторых, по поводу ее рациона. Девочки сейчас боятся быть полными, придерживаются всяких безумных диет, что подрывает их здоровье. И вам, как мужчине, будет проще до нее достучаться. Объясните ей, что никакой красоты в тощей девушке быть не может. Полагаю, от вас эта мысль будет звучать доходчивее, чем от меня. Попытайтесь на нее повлиять, мистер Тайрон. Думаю, она вас послушает.

Я несколько обескуражен. С таким диагнозом она, вряд ли, конкурс вытянет. Надо поговорить с ней, чтобы ела получше. Правильно я предположил, что она толком не ест. Худая – того и гляди, ветром сдует. Обидно, уже номер практически готов. Да и сама она в конкурсе, наверняка, захочет участвовать – столько готовилась. Стоит попробовать, а вдруг получится. С ее способностями она бы и одно из первых мест могла получить. Уговорю нагрузку снизить, чтоб передохнула немного. И я думаю, все утрясется.

Кира выходит из медкабинета, и мы вместе возвращаемся в танцевальный зал. Она идет, опираясь на мою руку. Я убеждаю ее какое-то время заниматься поменьше. Аккуратно спрашиваю, не стоит ли отказаться от участия в конкурсе. Но Кира, как я и предполагал, против. У меня прямо камень с души падает. Зря мы, что ли, столько готовились?

Отвожу ее на машине домой. Правда, она просит высадить ее, как всегда (я иногда подвожу ее после репетиций),

на остановке. Не спорю. В данном случае с ней это делать бесполезно. Она упрямо отмалчивается и стоит на своем. Я беру с нее обещание, что она сообщит мне, как дойдет. Мы еще в декабре обменялись телефонами из деловых соображений. Мало ли, что. Ну вот, прислала смс, что дошла до дома, и что все в порядке. Собственно, это ее первая смска мне за все время.

* * *

Сегодня среда. Занятие и репетиция. Но мистер Тайрон... Дэн (даже про себя непривычно его так называть, но при этом, невообразимо чудесно!) сказал, что сегодня порепетируем чуть-чуть, да и на общем занятии он тоже не хотел меня особо нагружать. Я сейчас в столовой, беру, как обычно, чай и булочку. Сажусь за пустой столик у окна. Я почти всегда обедаю одна. Как-то с друзьями у меня не клеится. В той школе я дружила с одной девочкой. Да, пожалуй, даже и не дружила, общались просто, сидели вместе. Она не слишком разговорчивая была, такая же, как я. Вот и сошлись. Ее немного странной считали... Интересно, а меня странной считают или нет?..

– Не занято?

Вздрагиваю и поднимаю глаза. Мистер Тайрон... Дэн... Это Дэн... Он смотрит на меня и улыбается. Я ближе подтягиваю к себе свой поднос.

– Нет... Садитесь...

– Здравствуй, Кира.

Дэн ставит на стол свой поднос с обедом.

– Кира, это что, весь твой обед?!

Я съезживаюсь и опускаю голову. Выбор невелик: либо полноценный обед, либо уроки танцев и... Дэн. Я готова совсем не есть, если понадобится, только бы не лишится уроков и встреч с ним... Хотя я сейчас уже не знаю, что для меня важнее: танцы или...

– Мне миссис Глэн сказала, что ты очень плохо питаешься. Но я ей как-то не особо поверил. А сейчас вижу, что она была права. Ты что, каждый день только это на обед ешь?

Я все глубже вжимаюсь в спинку стула, так, что уже даже больно становится. Вот бы сейчас взять и исчезнуть, будто меня тут совсем и не было.

– Судя по тому, что ты не отвечаешь, видимо, каждый день. Послушай, Кира, это же глупо, на диете сидеть. Миссис Глэн говорит, что у тебя истощение от недоедания. Так же нельзя. Чего ты добиваешься? В больницу попасть?

Боюсь на него смотреть. Не хочу, чтобы он ругал меня и сердился. Но мне даже возразить нечего. Что я должна ему сказать, что у меня денег нет за танцы платить, и после этого перестать на его уроки ходить. Да я лучше в больницу попаду!

– Кира, ты и так худая, тебе уже худеть просто некуда больше. Вы, девчонки, за красотой гонитесь, за мерками идеальными, но в худобе ничего красивого нет, наоборот...

Что наоборот?... Значит... значит... уродина?!.. Да, знаю,

я далеко не красавица, но... Значит, я для него худая уродина... Он меня такой считает... А тогда, перед концертом, он наврал, что я красивая, и про волосы, что мне распущенные идут... Ничего мне не идет! Я для него просто худая и уродливая маленькая девчонка... И больше никто... А еще я большая дура, которая чего-то там о себе возомнила!

Я до боли сжимаю и так сжатые руки, которые держу на коленях, бросаю на него быстрый взгляд. Он смотрит мне прямо в лицо, пытаюсь прочесть, какое впечатление произвела его речь. А у меня начинают наворачиваться на глаза слезы, подбородок дрожит. Я ничего не могут с собой поделать. Неожиданно для себя самой я вскакиваю, дергаю сумку, которая висит на спинке стула, но она, как назло зацепляется. Дергаю сильнее, стул падает, грохот на всю столовую, а я убегаю со всех ног, уже на ходу вытирая застилающие глаза слезы.

* * *

Обиделась?.. Что-то я не то сморозил... Надо было лучше продумать, что говорить. Она, наверняка, обиделась. Что же я такого сказал?.. Кажется, что она очень худая, а в худобе красивого нет ничего и даже наоборот... Получается, что я ее уродливой назвал. Господи, какой же я идиот! Девочки-подростки все на внешности своей помешаны, а я брякнул такое. Хотел, ведь, как лучше... Она даже не поела ничего... Надо попытаться ее найти и все объяснить... Хотя, чего уж тут объяснять? Дальше некуда.

Оставляю свой обед и спешу следом за Кирой. Но ее уже и след простыл. Наверное, забилась куда-нибудь и плачет тихонько. Я обхожу всю школу, даже пытаюсь выяснить, через уборщицу, не закрылась ли она в кабинке женского туалета, но ее нигде нет. Нахожу номер ее сотового телефона. Я ни разу до этого не звонил ей. Набираю, но она не отвечает. Должно быть, просто не берет трубку. Мне пора на занятие. Может, она все-таки подойдет?..

Занятие начинается, но Киры так и нет. Чувство беспокойства не покидает меня на протяжении всего занятия, и я время от времени поглядываю на дверь. Занятие заканчивается. Все ученики переодеваются и уходят. На душе неприятным осадком чувство вины и тревога. Беру телефон, чтобы еще раз попытаться ей позвонить. И тут слышу скрип двери. Оборачиваюсь. На пороге стоит Кира. Голова опущена, сутулится, волосы не собраны в пучок, как обычно перед занятием, а белыми спутанными прядями спадают ниже плеч. Стоит и молчит. Но у меня, как камень с души. По крайней мере, с ней все в порядке. Я подхожу, прикрываю дверь и беру ее за плечи.

– Кира...

Раздается тихий судорожный всхлип.

– Извините меня, пожалуйста...

Ее голос дрожит и прерывается. Видимо, она плакала все это время. И все из-за меня...

– Кира... это ты прости меня. Я наговорил какой-то ерун-

ды, совершенно не подумав. Я даже не сразу понял, почему ты убежала. До меня потом только дошло, что я сказал. Я просто хотел тебя убедить, что нужно питаться хорошо, чтобы быть здоровой и красивой. А получилось, что сказал, будто ты худая и... некрасивая. Ты, действительно, худенькая, потому что мало ешь, но ты красивая.

Кира снова тихонько всхлипывает. А я начинаю путаться в своей оправдательной речи. Сейчас снова дров наломаю...

– Я опять что-то не то говорю, да?..

– Вы меня обманываете... просто чтобы успокоить. Не надо. Я знаю, что я вовсе не красавица. На меня еще ни один мальчик внимания не обратил. Ну и пусть некрасивая, таких, ведь, тоже много, и живут как-то.

– Обманываю?..

Я беру ее за подбородок и приподнимаю ее голову. Она немного упирается, но несильно. Ее глаза неуверенно встречаются с моими, но взгляд она не отводит. Я смотрю на нее. Какая она, Кира? Я как-то не обращал на это особого внимания: девочка и девочка, хотя и своеобразная, конечно... На меня в упор смотрят огромные глаза совершенно потрясающего изумрудного цвета. Я ни у кого раньше не видел таких глаз. Они немного покраснели и припухли от недавних слез, но это нисколько не умаляет их неповторимости и красоты. Тонкие черты лица, очень бледная, но чистая нежная кожа, на щеках пробивается румянец, она часто краснеет от смущения. Смущается и сейчас. Губы тоже припухшие,

немного потрескавшиеся (должно быть облизывает на холоде), слегка приоткрытые, длинная шея, и волосы, на редкость белые, с едва заметным пепельным оттенком, густые, волнистые, спускающиеся почти до пояса ее худенькой, но очень изящной и стройной фигурки.

– Ты красивая, Кира. Правда... я не обманываю.

Я отпускаю ее подбородок и вновь беру за плечи.

– Сейчас ты веришь мне?

– Да...

Чувствую, что она поверила, потому что я сказал правду, которую только что сам для себя открыл. Она едва стоит на ногах, ее слегка пошатывает.

– Кира, мне кажется, ты сейчас снова упадешь.

– Нет, все в порядке, – едва слышно выдыхает она.

Я провожаю ее к матам и усаживаю на них. Приношу стакан воды. Она судорожно глотает.

– Послушай, ты же свой обед даже не съела сегодня! Ты так и ходишь голодная?

Кира чуть кивает головой.

– Это моя вина. Давай-ка я тебя накормлю. Столовая, должно быть, закрылась уже, но тут, рядом со школой, небольшое кафе есть. Пойдем туда и поедим. Я, кстати, тоже чертовски проголодался. Кира смотрит на меня растерянно.

– У меня денег с собой нет.

– Ты из-за меня сегодня не поела. Так что я и плачу. Буду свой грех искупать.

Кира чуть улыбается, при этом ее лицо словно озаряется мягким сиянием. Удивительная улыбка.

– А как же репетиция? – неуверенно спрашивает она.

– Думаю, что танцевать ты сегодня не в состоянии. Для этого силы нужны, а у тебя их нет. Заменяем репетицию обедом или даже скорее ужином.

Мы идем в кафе, и я смотрю, с каким аппетитом Кира уплетает заказанную мной еду. Может, моя лекция о вреде голодания все-таки возымела свое действие?..

Потом я отвожу ее на машине домой, вернее, опять до остановки автобуса. Я пытаюсь ее уговорить подвезти прямо до дома, но она, как обычно в этом вопросе, непреклонна. Прошу позвонить или отослать смс. Она уходит в вечернюю мглу, а я отчего-то беспокоюсь намного больше обычного. Не отъезжаю от остановки и жду сообщения от нее. Оно вскоре приходит. Все в порядке. Но я зачем-то звоню ей. И она через несколько мгновений берет трубку.

– Да? – слышу ее голос.

– Кира, все хорошо?

– Да, мистер Тайрон. Я уже дома. Я вам смс только что отправила.

– Должно быть, не дошло... – вру я. – До свидания, Кира, до субботы.

– До субботы, мистер Тайрон.

* * *

Вчера приехала Аманда. Она менеджер по рекламе в до-

статочно крупной фирме, так что иногда уезжает в командировки. На этот раз ее не было десять дней. Я соскучился. Отношения у нас, пожалуй, неидеальные, иногда и размолвки случаются. Но она красивая. Каштановые блестящие волосы, немного жесткие на ощупь, но всегда вкусно пахнущие какими-то экзотическими цветами, раскосые синие глаза с внимательным, а порой пронзительным взглядом (иногда мне кажется, что она просвечивает меня насквозь), чувственные губы, причем, нижняя губа слегка выпячена так, что создается впечатление, будто она обижается или недовольна чем-то, и отличная подтянутая фигура с соблазнительно округлыми формами. Словом, мириться с ней бывает крайне приятно, а особенно приятно встречаться после ее командировок. К счастью, они не слишком длинные, и эта, последняя, оказалась самой затяжной. Я еле дождался.

Я забрал ее из аэропорта и привез к себе. Мы не живем вместе, просто встречаемся. Жить совместно – серьезный шаг, и я пока не могу на него решиться. Возможно, со временем...

– О, Дэн, ты что, сам все приготовил?! Как романтично!

– Ну, почти... – уклончиво отвечаю я.

Это она об ужине. Еду я заказал в ресторане. Иногда готовлю сам, но сегодня времени не хватило. Хотя, полагаю, это не так важно. Главное, чтобы все было красиво. Последний штрих – зажигаю свечи. Аманда вся сияет. А сейчас важно не поругаться из-за какой-нибудь ерунды, чтобы не со-

рвать долгожданное романтическое продолжение вечера после вроде бы удачно начинающегося романтического ужина.

Все идет по плану. Мы обсуждаем поездку Аманды, которой она весьма довольна. Потом переходим к моим делам. Здесь почва зыбкая. Аманде, также как и моим родителям, не очень нравится, что я занимаюсь танцами. Дело в том, что по образованию я юрист. Я по-честному отучился в университете на факультете социологии, а потом окончил престижную юридическую школу, угробил на нее четыре года, правда, заочно, но тоже на совесть. Еще и в юридической конторе успел поработать пару лет. До сих пор не могу понять, как мне на все это терпения хватило. А сейчас занимаюсь танцами. Всегда чувствовал, что это мое. Только доход с этого небольшой, да и непрестижно. Аманде это не нравится, и она периодически пытается меня наставить на путь истинный. Но сегодня я мастерски уваливаю от разговора и вновь придаю вечеру романтический настрой. И наконец, мы гасим свечи...

* * *

Яркий свет пробивается сквозь шторы. Приоткрываю веки и пытаюсь сообразить, какой сегодня день. Рядом спит Аманда, ее каштановые волосы сияющими волнами раскинулись по подушке. Вспоминаю, Аманда вчера вернулась из командировки, мы ужинали, а потом... Будоражающая волна восхитительных воспоминаний обдаёт все мое тело, и я окончательно просыпаюсь. Бросаю взгляд на часы: без чет-

верти десять. И тут меня накрывает другая волна, волна паники. Я внезапно вспоминаю, что у Киры сегодня выступление на конкурсе, а конкурс начинается через пятнадцать минут. Вчера я забыл поставить будильник. Выскакиваю из-под одеяла и в спешке одеваюсь. Сонная Аманда пытается выяснить, что случилось, а я отвечаю ей что-то невразумительное, хватаю телефон и ключи от машины и стремительно вылетаю из дома. Сажусь за руль и звоню Кире, но она не берет трубку. Подъезжаю к автобусной остановке, у которой обычно высаживаю ее. На остановке Киры нет. Мы вчера договорились, чтобы она подошла сюда к девяти, подождала немного, и если меня нет, отправлялась бы своим ходом. Автобус идет прямо до школы, в которой проходит конкурс, так что проблем с дорогой нет. Аманда могла попросить подбросить ее домой или на работу с утра, поэтому я не был уверен, сумею ли забрать по пути Киру. Снова звоню, и снова гудки. Надеюсь, она уже там. По дороге, как назло застреваю в пробке. Время уже половина одиннадцатого, конкурс начался. Номера выступления должны были определить непосредственно перед началом на жеребьевке. Хоть бы она была не в первой десятке! Наконец-то доехал. Кое-как припарковываю машину и бегу в школу. Конкурс уже идет. Я кидаюсь за кулисы, туда, где участники ждут своего выхода. Киры там нет. Начинаю спрашивать, не видел ли кто ее. Но все в напряжении, и никто ничего толкового мне ответить не может. Кто-то говорит, что, вроде бы, она уже выступила. В конце

концов, я подхожу к жюри, где строгого вида дама, глядящая на меня поверх очков, отвечает:

– Кира Аллен? Она была третья по жеребьевке. Вы ее тренер?

– Да.

– Вы знаете, она так сильно волновалась, что не смогла выступить. Начала номер, но потом все перепутала и убежала со сцены. Очень нервная девочка. И, по-видимому, к сцене совершенно непривыкшая. Смысла нет, таких детей на конкурс выводить.

– Она из-за меня выступить не смогла. Я в пробку попал, а она, должно быть, разволновалась, что меня нет. Я сейчас поговорю с ней. Дайте ей возможность выступить еще раз. Кроме того, ей одиннадцать всего, и она очень стеснительная.

– Послушайте, у нас дети и более младшего возраста участвуют и ничего.

– Но это ее первый конкурс. Если она не выступит, то так и будет сцены бояться.

– Хорошо, я переговорю с другими членами жюри. Подойдите после перерыва.

Что ж, возможно есть шанс все спасти. Теперь, важно отыскать Киру. Опять звоню ей – безрезультатно. Снова спрашиваю толпящихся конкурсантов. В конце концов, какая-то женщина, видимо, тоже тренер, говорит, что видела девочку, похожую на ту, которую я описал, в одной из от-

веденных для конкурсантов комнат. Я кидаюсь туда. Дверь чуть приоткрыта. Я тихо вхожу. Кира уже переделалась. Она стоит ко мне спиной и пытается распусть волосы, но что-то не получается, и она с силой дергает заколку. Снежной лавиной волосы осыпаются ей на плечи. Она не видит меня.

– Кира...

Она вздрагивает и резко оборачивается. По ее щекам текут слезы.

– Кира...

Она смотрит на меня, не отрываясь, широко распахнутыми глазами. В какой-то момент мне кажется, что она рада моему появлению, хоть и позднему. Но вот ее дыхание учащается.

– Почему вы не пришли? – она говорит тихо, но в ее словах упрек и отчаяние. – Я вас ждала.

Глядя на нее, такую худенькую и несчастную, я остро ощущаю свою вину, но пытаюсь оправдаться.

– Кира, я звонил тебе, ты не отвечала.

Она отводит взгляд и опускает голову, всхлипывает и пытается вытереть ладошкой бегущие слезы.

– Я... я телефон дома оставила...

– Понятно...

Я подхожу к ней.

– Кира, возможно, тебе дадут еще один шанс выступить. Я разговаривал с жюри. Они посоветуются во время перерыва и...

– Я не буду выступать! – ее голос срывается. – Я на остановке вас ждала...

– Но я же предупредил тебя, что могу не подъехать вовремя...

– Но вы и на конкурс опоздали. Я вас до последней минуты ждала.

– Извини, я... ну, так получилось... Там пробка была... Давай еще раз попробуем. Я подойду к жюри...

– Нет!

– Ты столько времени к этому конкурсу готовилась. Неужели все зря? Сейчас будет перерыв, я подойду и еще раз переговорю с членами жюри. Уверен, что тебе разрешат выйти и выступить.

– Нет!

Кира закрывает лицо руками и начинает рыдать. Я в растерянности.

– Кира, перестань. Думаю, еще все можно исправить. Ведь ты столько работала. У тебя все замечательно получается.

Но Кира, не отнимая рук от лица, отрицательно трясет головой. Очень хочу попытаться уговорить ее на выступление, но какое-то внутреннее чувство подсказывает мне, что это бесполезно. Она может быть упрямой. Ее тоненькие плечи содрогаются от всхлипов. Она такая хрупкая, худенькая, беззащитная. И я подвел ее. Мне очень больно видеть ее в таком состоянии и осознавать, что все это из-за меня. Я беру ее за плечи и притягиваю к себе. Ее белокурая головка едва

достаёт до моей груди. Кира такая маленькая... И я вспоминаю, что у нее нет отца... Она прижимается ко мне, но по-прежнему не убирает рук от лица, а я одной рукой глажу ее по удивительно белым, немного волнистым волосам, а другой прижимаю за плечи к себе. Мы стоим так достаточно долго, и она постепенно успокаивается, всхлипывая все реже и реже. Через некоторое время она вытирает заплаканное лицо рукавом свитера но, все также продолжает прижиматься ко мне, уже держась руками за края моей расстегнутой куртки.

– Ну что, домой поедem? – спрашиваю я.

Она кивает. Покрасневшие и припухшие от слез глаза, как всегда опущены. Помогаю ей собрать вещи, беру ее сумку, и мы идем к машине, садимся и едем. Кира поворачивает голову и смотрит на меня.

– Простите, что я выступать отказалась... но я, правда, не могла... Я вышла один раз... и у меня не получилось... а выходить во-второй – это просто пытка. Они уже видели, как я позорно сбежала, и идти туда, к ним, опять... нет...

– Да, ладно, Кира. В конце концов, свет клином на этом конкурсе не сошелся.

– И простите, что нагрубила вам... я испугалась, что совсем одна. Вы же все время рядом были, а тут... и... еще я... за вас переживала...

Я удивленно смотрю на нее. Что она имеет в виду? Кира ловит мой взгляд.

– Я боялась... вдруг с вами что-то случилось...

И она краснеет...

* * *

Конкурс был в воскресенье, а сегодня среда. Я звонил Ки-ре несколько раз, но ее номер недоступен. По понедельникам и вторникам у меня нет уроков танцев в школе, так что я дождался среды и надеюсь увидеть Киру на занятии. Но она не приходит. Я начинаю волноваться. В школе узнаю, что ее нет уже с понедельника. У меня записаны адреса моих учеников. Нахожу адрес Киры. Сколько раз подвозил ее, но так и не знаю точно, где она живет. Сразу после занятий отправляюсь по найденному адресу. Доезжаю, как обычно, до автобусной остановки, на которой высаживаю Киру, а потом сворачиваю в проулок между домами. Время перевалило за пять вечера, и на улице уже достаточно темно. Узкая дорога в основном освещается светом из окон домов, фонари же, если и встречаются, то все разбитые. Старые дома, мусорные баки, лай собак, в одном месте пьяная перепалка, а от остановки до ее дома шагом не менее десяти минут. Как она здесь ходит, маленькая одиннадцатилетняя девочка? И я отпускал ее каждый раз в эту глушь, даже не представляя, как она добирается до дома, и нисколько не заботясь об этом...

Я у дома Киры, судя по адресу, который с трудом удается различить в сгустившемся сумраке. Старое трехэтажное строение, обшарпанные стены, давно мечтающие о ремонте, покосившееся крыльцо. Захожу в мрачного вида подъезд

и освещаю себе дорогу сотовым телефоном, потому что темнота, хоть глаз выколи. Тусклый свет сотового выхватывает то тут, то там настенную роспись неприличного содержания, а запах такой, что хочется совершить безоглядное бегство. Но я поднимаюсь на второй этаж, постоянно думая о том, что Кира ходит здесь каждый день, и звоню в дверь. Мне долго не открывают. Я уже начинаю соображать, как быть дальше. Может, позвонить соседям и попробовать что-нибудь узнать у них. Но тут клацает замок, и в тот же миг на пороге появляется женщина, достаточно молодая, но не прибранная, с длинными, спутанными белыми волосами и в халате не первой свежести. У нее слегка отекшее лицо, а карие глаза, будто пустые и подернуты пеленой. Все это мне удастся рассмотреть благодаря неяркому свету, падающему на нее из дверного проема настежь распахнутой двери. У меня, почему-то, мелькает мысль о том, что весьма опрометчиво в таком захолустном районе вот так, резво, неизвестно кому открывать дверь. Но объяснение этому странному факту не заставляет себя ждать.

– Вы кто? – спрашивает она. При этом слова будто вязнут у нее во рту, с трудом выдавливаясь наружу. Она пьяна...

– Вы мама Киры?

– Да, – снова выдавливает из себя женщина и хватается рукой за косяк. Видимо, она уже в том состоянии, когда стоять без опоры сложно. – Чего вам нужно?

– Я Дэн Тайрон, учитель из школы, где Кира учится. Ее

несколько дней не было, и я хотел убедиться, что с ней все в порядке, потому что на звонки никто не отвечает.

– С ней все в порядке.

– Можно мне увидеть ее?

Женщина смотрит на меня не моргающим стеклянным взглядом, будто гипнотизируя. Я чувствую, что впускать она меня не хочет.

– Кира, вообще, дома? О ней беспокоятся в школе, и я пришел узнать, как у нее дела, – я продолжаю гнуть свою линию в надежде, что до ее пьяного мозга дойдет, что меня лучше впустить.

Откуда-то из-за двери раздается шарканье, и на пороге появляется небольшого роста полноватая женщина в замызганной пестрой кофте и клетчатой мятой юбке и, окинув меня оценивающим взглядом осоловелых глаз, спрашивает визгливым сбивающимся голосом:

– Что, к твоей Кире уже такие хахали ходят?

Этот вопрос, видимо, не только повергает в шок меня, но и заставляет сдвинуть ход мыслей матери Киры, она, будто бы даже несколько трезвеет и начинает шипеть на подошедшую:

– Дура, чего несешь! Какие хахали?! Это ее учитель из школы, – потом она оборачивается ко мне и говорит:

– Она наверху, в своей комнате. Я вас провожу.

И меня, наконец-то, впускают в квартиру. За столом на маленькой кухне сидит еще одна женщина, такого же за-

мызганного и потрепанного вида, как и две другие. На столе бутылки, явно не с лимонадом. Мать Киры ведет меня узеньким коридорчиком к лестнице. По пути я успеваю рассмотреть, что квартирка маленькая. Помимо кухни на первом этаже есть еще одна комнатенка. Все пространство забито какой-то бесполезной старой мебелью, которая, возможно, когда-то была совсем неплохой и, даже, дорогой. Обои в некоторых местах оторваны и свисают живописными клочьями, дома не прибрано и грязно. Мы поднимаемся по старой, скрипучей, не внушающей абсолютно никакого доверия лестнице. Вот и второй этаж. Тут всего одна комната – комната Киры. Женщина долго копается в карманах своего халата, и, все-таки достав оттуда ключ, трясущимися руками отпирает дверь. Но дверь оказывается запертой еще и изнутри.

– Кира, открой, к тебе пришли, – с трудом связывая слова, говорит женщина.

В ответ полное молчание.

– Ты слышишь или нет, пришли к тебе, говорю! Учитель из школы какой-то. Открой!

– Кира, открой, это я! – говорю, а самому с трудом верится в происходящее. Все будто в странном и страшном сне. Щелкает замок. В щели слегка приоткрытой двери видна тонкая фигурка Киры и ее взволнованное лицо. Она бросает взгляд на меня, потом на мать, и тихо произносит:

– Входите...

В маленькой комнате горит только настольная лампа.

Но и этого освещения достаточно, чтобы заметить, что, в отличие от остальной квартиры, здесь чисто и уютно, хотя и бедно. У окна письменный стол, узкая кровать у стены, небольшой платяной шкаф и полки, на которых стоят книги и несколько игрушек: старенький плюшевый мишка с алым бантом на шее, кукла, по виду старая, но в новом красивом платье и забавная розовая лошадь с выпученными глазами и улыбающимся белозубым ртом. На стене над кроватью несколько картинок с изображением танцовщиц, а на столе в простой деревянной рамке фотография молодой красивой белокурой женщины и зеленоглазого мужчины. А между ними стоит маленькая девочка лет четырех – пяти – это, должно быть Кира. Фотография солнечная, очень светлая и все на ней улыбаются. Осмотр комнаты занимает у меня секунд десять, не больше, пока Кира снова запирает дверь. Я оборачиваюсь и гляжу на нее, а она, как всегда, опускает глаза и краснеет. Моя маленькая Кира... Я немного растерян и сбит с толку происходящим. Я не ожидал того, что увидел, и не знаю, как себя вести и что делать... Слышу, как за дверью сердито скрипят ступени. Ее мать спускается вниз, к своим гостям.

– Кира, почему ты не ходишь в школу и на звонки почему не отвечаешь?

Кира поднимает голову и смотрит на меня, ее распущенные волосы сдвигаются с лица назад, и тут я замечаю большую ссадину на ее щеке и розовый отек вокруг нее. Я под-

нимаю руку и едва касаясь, провожу по изуродованной щеке. Кира слегка отводит голову в сторону. Должно быть, ей больно. Я тут же отдергиваю руку.

– Извини... Ты из-за этого не ходишь?

Она кивает головой и одними губами произносит:

– Да...

– Тебя мама так?..

Кира отвечает не сразу, но через некоторое время утвердительно кивает.

– За что?

Но Кира молчит. Она вновь потупила взгляд и спрятала лицо, опустив голову и закрывшись своими длинными волосами. И у меня возникает чувство, что вытянуть из нее что-либо будет сложно. Но тут я вижу, как на пол падает слезинка, оставив мокрый кружочек рядом с носком моего ботинка. А за ней вторая, третья... И я начинаю осознавать, что у этой девочки, возможно, никого кроме меня нет. И сейчас я, наверное, единственный близкий для нее человек. Поддаваясь эмоциям и толком не соображая, что делаю, я подхватываю ее, легкую, как пушинку, на руки и отношу к кровати. Она немного пугается, но не сопротивляется. Я сажаю ее на постель, сам сажусь рядом с ней и беру ее, оказавшиеся очень холодными руки в свои.

– Кира, расскажи мне все. Что произошло? Расскажи, не бойся, прошу тебя...

Я стираю рукой слезы с ее щек и пытаюсь поймать ее

взгляд, но она прячет его, ниже опуская голову.

– У тебя мама часто пьет?

Через какое-то время Кира кивает головой.

– И она тебя уже не первый раз избилла. Я в прошлый раз синяк заметил – это тоже она была?

Кира снова кивает.

– За что она тебя ударила? – я осторожно провожу пальцами возле ссадины. На этот раз Кира не отворачивается.

– Это...

– Не бойся, говори.

– Это из-за того, что я на конкурс в воскресенье ходила.

– Она не хотела тебя отпускать?

– Мама недавно в столовую посудомойкой устроилась работать, здесь, недалеко. А в выходной там народу больше бывает, я ей помогаю, и нам доплачивают. Я не пошла... Я сказала, что у меня конкурс, а она рассердилась, телефон у меня забрала, не хотела пускать, но я убежала. А вечером мне досталось от нее...

– И телефон она тебе не вернула? Я тебе звонил – никто не отвечает.

– Нет, не вернула... Она его бросила, и он разбился.

– Тебе нужно было мне рассказать. Я бы с ней поговорил.

– Бесполезно. Только хуже бы было.

Я соображаю, как ей можно помочь, но ничего не приходит в голову. И еще меня сильно мучает то, что сказала собутыльница ее матери, но я никак не решаюсь спросить.

– Кира, а давно твоя мама пьет?

– Сильно пьет с тех пор, как папы не стало, года три с лишним.

– А что случилось с твоим папой?

– Он заступился за женщину с ребенком на улице, к ней хулиганы приставали. Они его избили, и он умер в больнице... – слезы снова начинают течь из ее глаз. – Он такой хороший, добрый был, – она судорожно всхлипывает. – Если бы он был жив, все бы хорошо было. И мама бы не пила.

– Ты же сказала, что она и до этого пила.

– Нет, почти нет, немного совсем, – я чувствую, что она начинает нервничать.

– Ты мне говорила, что раньше вы не здесь жили, – перевожу я разговор.

– У нас большой дом был с красивым садом. Я там играла. У нас качели в саду стояли, и папа качал меня на них... высоко-высоко... – Кира подняла голову. Она больше не прячется. Но у меня такое чувство, что она сейчас не здесь, а где-то далеко отсюда, в другом времени и пространстве, в своем раннем детстве. Ее взгляд устремлен на противоположную стену комнаты, но видит она лишь картинку прошлого. Ее глаза будто начинают лучиться мягким светом, а губ касается едва заметная улыбка. И я понимаю, что она живет своим прошлым, и, наверное, еще танцами, потому что вокруг нее больше ничего нет, лишь одна беспросветная темнота. Чем же я могу помочь этой маленькой, беззащитной де-

вочке? Кира скрывает то, что ее мать пьет. В школе об этом не знают, даже врач. Диета для фигуры... Да ей просто есть не на что...

– Кира, а деньги за уроки танцев тебе мама дает?

Кира вся съеживается. Я даже жалеть начинаю, что спросил. Она пытается утвердительно кивнуть, но врать у нее не получается. Она неровно дышит и опускает голову так, что ее лица почти не видно за длинными волосами.

– Ты на еде экономишь?

Я чувствую, как подрагивают ее руки, на которых я все еще держу свою ладонь.

– Кира, ты же с голоду так умрешь. Наверное, ты и дома-то толком не ешь. И еще танцами умудряешься заниматься.

Она вдруг вскидывает голову.

– Я не брошу заниматься! – в ее голосе слышится металл. Танцы – это ее мечта. А за свою мечту она готова пожертвовать всем.

Я спешу ее как-то успокоить.

– Конечно, не бросишь. Раз тебе это нравится, и у тебя это замечательно получается, не надо отступать. Только нужно подумать, как сделать так, чтобы ты при этом не умерла с голоду. Ты согласна со мной?

Кира неуверенно кивает и немного успокаивается.

– Кира... – я все-таки решаюсь спросить, но при этом волнуясь. Мне неудобно разговаривать о таких вещах с одиннадцатилетним ребенком. – Кира, мамина подруга внизу

спросила у твоей мамы... когда меня увидела, что, мол... к ее дочке уже такие хахали ходят? – Кира бросает на меня быстрый, и, как мне кажется, удивленный взгляд. – Я хотел узнать... мама к тебе никого не приводила... ну, мужчин в смысле?..

– Нет. – Какой-то короткий миг Кира смотрит мне в глаза, потом отводит взгляд в сторону, явно смущаясь поднятой мной темы, но лица не прячет. Я достаточно хорошо изучил ее мимику. Она не врет. И у меня будто камень с души падает. – Извини, что я спросил. Просто... всякое бывает...

Стараюсь направить разговор в другое русло:

– Слушай, может, чтобы ты на еде не сэкономила, я сам за уроки танцев буду платить. – Мне очень хочется ей хоть как-то помочь. И осенившая меня идея мне самому нравиться.

– Нет! – Кира резко выдергивает свои слегка согревшиеся руки из-под моей ладони. Такого отпора я не ожидал. Но чувствую, что уговорами здесь не поможешь, денег она от меня не примет. Как же быть? А что если?..

– Кира, послушай, а давай я тебя на работу к себе найму. Сможешь на уроки заработать.

Кира смотрит на меня удивленным вопросительным взглядом. Кажется, еще не все потеряно.

– Я живу один. Дом у меня большой, а убираться я особо не успеваю. Будешь помогать, ну, скажем, раз в неделю? Например, по субботам, после танцев, устроит?

Она молчит, взгляд задумчиво блуждает по складкам одежды, но меня радует уже то, что мое предложение не было поднято на штыки.

– Ты ведь, в субботу свободна, маме не помогаешь в столовой?

– Нет, не помогаю...

Она снова поднимает глаза, во взгляде неуверенность, смешенная с желанием сказать «да». Пожалуй, других вариантов у нее нет, если, конечно, она не планирует в скором будущем отдать концы с голоду.

– Ну, что, согласна? – мягко напирваю я.

И она сдается:

– Согласна...

Вскоре я ухожу, взяв с нее обещание прийти в школу в ближайшее время, как только ссадина чуть больше заживет. Она же в свою очередь просит, запинаясь при этом и пряча глаза, никому не рассказывать, что ее мать пьет. Я обещаю. Но, выйдя из ее комнаты, еще раз пройдя по жутко запущенной, провонявшей перегаром, наполненной пьяным, матерным омерзительным гомоном квартире, кое-как выбравшись из невозможно темного грязного подъезда на убогую узкую улочку с перебитыми фонарями и благоухающую содержимым мусорных баков, чувствую, что, наверное, я дал это обещание зря...

* * *

Наконец-то суббота. Я вышла в школу с пятницы. Ссади-

на почти зажила, я замазала ее тональным кремом, и она стала совсем незаметной, если особо не приглядываться. Сегодня я смогу увидеть Дэна... Я до сих пор в себя не приду от его визита. Я чуть с ума не сошла, когда он в мою комнату вошел... Неужели, я для него не совсем пустое место? Он волновался из-за меня, иначе бы не приехал... Хотя... может он просто виноватым себя чувствует из-за того, что на конкурс опоздал. Он ведь даже сердиться на меня не стал, когда я второй раз выступить отказалась... Но, с другой стороны, он работать мне у себя предложил, чтобы я денег могла на танцы заработать.... Зачем он со мной возится? А может, ему, правда, домработница нужна, и он решил сразу двух зайцев убить: домработницу нанять и мне помочь? Глупость какая-то. Если бы нужна была, он бы кого-нибудь путевого нанял, а не одиннадцатилетнюю девчонку... Он хочет мне помочь, но почему?.. Может, отказаться?.. Но тогда выбрать придется: либо обед, либо танцы, а он меня голодной может и не пустить... Ладно, я попробую сходить и поработать один раз, а там посмотрю. Возможно, даже сегодня получится, если он не передумал, конечно... Я кое-как высиживаю занятия. Все мои мысли заняты Дэном. Я жду урока танцев, но встречаюсь с Дэном еще раньше в школьной столовой.

– Кира, здравствуй!

Я так рада его видеть, что даже поздороваться с ним у меня толком не получается. Я бормочу что-то невразумитель-

ное себе под нос. И замечаю, как он скользит глазами по моей щеке.

– Почти не видно. Замазала?

– Да...

Он стоит рядом со мной в очереди.

– Ты опять за своей одинокой булочкой?

Я опускаю голову. Что тут скажешь, если это правда.

– Давай-ка я тебя обедом нормальным накормлю.

Я пытаюсь отказаться, но после того, как он побывал у меня дома, после нашего разговора, я смущаюсь при нем еще больше. Чувствую, как заливаются краской мои щеки и прячу лицо в волосы (хорошо, что я их еще в пучок не успела собрать).

– Ладно, Кира, считай, что это аванс. Ты ведь поможешь мне сегодня прибраться, как договаривались? – Дэн смотрит на меня и улыбается.

А у меня пол уходит из-под ног. Значит, все-таки предложение остается в силе. И я, как круглая дурочка, радуюсь, что поеду к нему домой! Поеду с ним к нему домой! А совсем недавно я сомневалась, стоит ли ехать и думала, может быть, лучше отказаться! Что же со мной такое?..

Он покупает себе и мне обед, и мы садимся за один столик. А мне даже кусок не лезет в горло от волнения. Он рядом и я поеду к нему домой!

Мы в дороге достаточно долго. Уже проехали остановку, до которой Дэн обычно подвозит меня, и после нее едем

еще минут пятнадцать. Дэн хотел заехать ко мне домой, чтобы поговорить с мамой по поводу моей подработки у него. Но я сказала, что предупредила ее с утра, что задержусь, а сейчас ехать бесполезно, она скорее всего пьет с подружками... Но вот, наконец-то, Дэн сбавляет скорость и въезжает во двор красивого особняка. Господи, неужели он здесь живет! Я чувствую, как полностью теряю самообладание, которого и так осталось на грош.

– Приехали! Вылезай!

– Это ваш дом?

Должно быть, на моем лице весьма живописно отражено то, что я чувствую, потому что Дэн глядит на меня и усмеяется.

– Я здесь живу. Но дом принадлежит моим родителям.

У него что, и родители здесь живут? Он же, вроде бы, говорил, что один. Но Дэн тут же отвечает на мой немой вопрос, наверное, прочитав его на моем растерянном лице.

– Родители отдельно живут уже несколько лет. Мой отец дипломат, он часто по командировкам разъезжал, а теперь, вообще, за границу перебрался, где и работает. Ну и мама с ним уехала. Мы-то с братом выросли, нашим воспитанием заниматься не надо. Так что они из родового гнезда улетели, а я вот за домом слежу.

– А ваш брат с вами живет?

– Нет. Брайан младше меня на семь лет. Он сейчас доучивается в другом городе.

– Он тоже танцами занимается?

– Нет. Он собирается стать юристом, собственно, как и я.

Дэн – юрист?! Я перестаю любоваться огромным заснеженным садом, через который мы идем к дому. Видимо, изумление очень хорошо высвечивается на моем лице, потому что Дэн говорит:

– Ну да, я юрист по образованию, даже работал какое-то время, да и сейчас иногда дела подкидывают, правда, я стараюсь не брать... Кажется, я тебя уже несколько раз удивить успел...

Да уж, действительно, все как-то неожиданно...

Дом, в который мы попадаем с высокого каменного крыльца, встречает нас просторным богато и со вкусом оформленным холлом, из которого на второй этаж ведет внушительных размеров лестница.

– Наверху спальни, – поясняет мне Дэн, – а здесь гостиная и кухня.

Гостиная просто огромная! Роскошная мебель, бархатные занавеси на окнах. Так все солидно и богато, что начинаю теряться.

– Что мне нужно будет делать, – тихо спрашиваю я, совсем раздавленная этим великолепием, в котором чувствую себя лишней.

– У родителей библиотека большая. Я давно планировал там прибраться, пыль с полок и книг спяхнуть. Давай сегодня этим займемся.

– Хорошо, – отвечаю я, а сама недоумеваю, он, в смысле, тоже пыль спихивать собирается? Оказывается, да. Мы заходим в большую комнату рядом с гостиной (хотя по размерам от гостиной она значительно отстаёт). Дэн даёт мне метелку для сметания пыли, себе берёт точно такую же, и мы дружно принимаемся за работу. Дэн замечает, что я вглядываюсь в названия книг.

– Любишь читать?

– Да, очень. У нас когда-то хорошая библиотека была. Папа собирал. Он мне вслух книжки читал. А потом, когда я читать научилась, мне тогда лет пять было, то сама уже стала. А сейчас я в школьной библиотеке беру, и ещё у соседки из дома напротив. Она старая и плохо видит, сама уже не читает, а меня всегда за книгами приглашает.

Книг очень много, но дело спорится быстро и весело. С Дэном легко. Я это заметила ещё на наших репетициях. На уроках он бывает требовательным и даже строгим, может отпустить какую-нибудь едкую шуточку, так что ученики его побаиваются. Но когда с ним один на один, он меняется. Шутки у него становятся веселыми, а вовсе не едкими, он хорошо и доходчиво все объясняет, а если что-то спросишь, то всегда старается ответить. За последние два месяца мы много работали вместе и поэтому, как мне казалось, стали хорошо друг друга понимать в том, что касается танцев. Но сейчас я замечаю, что и книжки перебирать у нас с ним тоже выходит очень ловко и дружно. За этой спокойной ра-

ботой и за разговором с Дэном у меня, наконец-то, получается расслабиться, и мое волнение и напряжение, которые не отпускали со дня конкурса, куда-то испаряются. Даже мое извечное смущение, бывшее сегодня днем через край, почти пропадает, и я начинаю нормально общаться. За полтора часа мы перебираем и протираем весьма внушительную библиотеку, а Дэн успевает рассказать мне кучу забавных историй, связанных с его учебой в университете и работой юристом, и по иногда проскакивающим язвительным ноткам я понимаю, что профессия эта его мало чем привлекает.

– Надо перекусить, – заявляет Дэн, когда с уборкой библиотеки покончено. Его тактическая хитрость лежит на поверхности.

– Я поняла, мистер Тайрон, вы меня откармливать решили. В столовой накормили и сейчас пытаетесь. Спасибо, я не буду.

– Кира, это нечестно. Я проголодался, а ты мне предлагаешь на выбор одно из двух: либо из вежливости не есть вместе с тобой и, терзаясь воплями пустого желудка, везти тебя домой (тоже голодную, кстати), либо бестактно усестись ужинать на твоих голодных глазах, и в ходе трапезы подавиться, так как мне кусок в горло лезть не будет.

Я улыбаюсь и вздыхаю.

– Не хочу быть повинной ни в ваших терзаниях из-за воплей голодного желудка, ни, тем более, в вашей смерти. Придется согласиться на ужин.

Кухня не очень большая, так что своими размерами не угнетает. Мне здесь даже уютно.

– Сейчас приготовим что-нибудь. Омлет будешь?

Я киваю. Не привыкла капризничать в еде. Я считаю, что в этом вопросе главное, чтобы, вообще, было что поесть.

– Надо же, молоко прокисло. Совсем недавно покупал, – с досадой восклицает Дэн и хочет вылить прокисшее молоко в раковину. – Ладно, не беда, что-нибудь другое изобретем.

– Подождите, не выливайте! У вас мука и яйца есть? – спрашиваю я.

– Есть, вроде бы...

– Давайте, я блинчиков напеку.

Дэн смотрит на меня немного растерянным взглядом.

– Блинчиков?

– Да.

– А ты умеешь?

Мне становится забавным, что он сомневается в моих кулинарных способностях.

– Умею, конечно. – И я забираю у него бутылку с молоком.

Дэн мне помогает, и вскоре на столе красуется аппетитная горка пышных блинчиков. Он берет верхний и пробует.

– Слушай, какие вкусные получились!

Я тоже пробую. Правда, очень вкусные.

– С чем будем их есть? – спрашивает Дэн и начинает вытаскивать из холодильника яблочный джем, сгущенное молоко, сметану и шоколадную пасту. Все это я раскладываю

по вазочкам, накрываю стол к чаю. Выглядит красиво и аппетитно. Мы садимся и с удовольствием и впечатляющей быстротой уменьшаем душистую горку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.